

АЛЕКСАНДР КОЗЛОВ

Медведь-Шатун



Александр Козлов

Медведь-Шатун

«Издательские решения»

Козлов А.

Медведь-Шатун / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501198-5

Вечер на пляже... Мне с ним интересно. Пьём пряный воздух спокойного моря. Громко болтаем про жизнь и не только... Он много знает забавных историй, и рассказать их умеет красиво. Я удивляюсь, да слушаю жадно, зная, что ночь скоро свалится с неба, чтоб разговоры прервать наши нагло... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-501198-5

© Козлов А.
© Издательские решения

Содержание

Медведь – Шатун	12
Разные	13
Зимняя мистерия	14
Любовники Анархии	15
Чужой	16
Ледяная бесконечность	17
Шут	18
Эпилепсия метафор	19
Спираль	20
Побег	21
Городские пророки	22
Видение	23
Картина распада	24
Каждодневность	25
В утробе февраля	26
Наблюдатели Жизни	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Медведь-Шатун

Александр Козлов

*Уже нет боли, звуки замолчали.
Неведомая лёгкость и рядом млечный путь.
На облаках его МЕДВЕДИЦА встречала,
чтоб СЕРДЦЕ ЗВЁЗДНОЕ вложить в большую грудь.*
Медведь-Шатун

Благодарности:

Елена Юрьевна Збаражская

© Александр Козлов, 2019

ISBN 978-5-0050-1198-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я тебя очень прошу все мои стихи распечатать и оставить у себя в качестве памяти обо мне. Я не хочу, чтобы все мои труды превратились в дым...»

Эти слова Саша написал мне в начале августа 2018 года. Уже тогда я решила, что создам сборник его стихов. Сам он никогда к этому не стремился, потому что не считал это главным. В одной из переписок с ним, он написал так: «Я никогда не писал стихи, а пробовал через написание сбросить свой негатив и не более того. Я не поэт, у меня нет должных качеств для поэта. Я поэтолог – смесь поэта и психолога». Потом смеялся откровенно. Я же считала его поэтом всегда, с первого с ним знакомства на литературном сайте, на котором мы делились своим творчеством несколько лет. Впервые, прочитав его творения, почувствовала в них энергетику и глубокую смысловую начинку, некоторые казались омерзительными, многие приводили в ужас после прочтения. Позже научилась принимать его стихи по-другому, понимая то, что он пишет в них себя – свою жизнь, страхи, радости, мечты, одиночество, любовь, и всегда откровенно, честно, эмоционально. Этим они меня и поражали, приводили в состояние «полное погружение» в чувства героя, восхищали своей прямолинейностью, удивительной образностью, дерзостью, «рычанием» и в то же время, красотой, владением слова. Послевкусие после прочитанного было всегда, а иногда слова его «дымились» на языке, если можно так сказать. Он и писал о себе: «Я идиот-стихоплёт и моя судьба – это писать через внутреннее настроение, и не терять ни грамма драгоценных эмоций». Именно поэтому, его стихи были живыми, настоящими, рвущими душу, пронизывающие читателя до мозга костей.

– Я писал по голым нервам! Сразу и без фильтра.

– Привык сочинять тогда, когда сочиняется и по возможности без искусственности.

В этом весь был Сашка, Медведь-Шатун.

«Сегодня какой-то страх грызёт весь день. Даже руки и ноги холодные. Написал новое, не думаю, что оно кому-то понравится. Но я вынашивал его всю ночь».

«Лен, скажи честно – моё последнее стихо про анти-гения имеет ценность...? Мне показалось, что это одно из лучших, что я написал...»

Очень часто от Саши приходили такие сообщения. Чувствовалось его переживание, как читатели отреагируют на его новое написанное? А потом спрашивал: «Ну, скажи правду, мой последний стих не очень отстойный?». Я же, читая его свежие строки, опять поражалась его мастерству – умение передать настроение и глубину мысли, которая его беспокоила, грызла изнутри. Саша любил и уважал критику. Считал, что без критики любая творческая личность превращается в пластилин. «Я не желаю жалости, я хочу объективности в полной мере, если это возможно...» – такого отношения он хотел и к своим стихам, ждал откровенных мнений, рецензий, и не боялся, что его строки разнесут в пух и прах. К другим авторам у него был такой же подход. Он умел высказываться жёстко, даже грубо, если чья-то работа ему казалась недостойной, умел указать на авторские недочёты. Если ему были непонятны моменты после прочитанного, всегда спрашивал автора, чтобы ему разложили свою идею по-полочкам. Иногда просила, чтобы он не был очень резким в своих комментариях, чтобы не сильно «ранить» автора – быть пайнёйкой, на что он отвечал: «Если я буду пайнёйкой, сдохну через неделю», но тут же становился мягким и смешливым. Умел и хвалить. Саша обладал редким качеством – по-детски непосредственно, задорно и весело восхищаться чужими творческими достижениями, всегда искренне и напорыве. Его похвалы считались особыми, как высшей, авторитетной оценкой, по крайней мере, лично для меня.

Сам он любил стихи, в которых прослеживалась философия, благоухало декадансом (обожал его), строки с элементами «готики», «дума» и навалившегося состояния одиночества – те, в которых был выброс откровенности и боли, что видишь не строки, а самого человека – это называл «поэзией искренности». Считал, что в стихах не всегда нужны изыски, иногда и без них всё очень качественно может быть. Ненавидел пафосность. В строках нравился порванный стихотворный ритм, образность. Любил стихи-диалоги, считал, что в них есть своя прелесть: можно без излишних извилистых метафор донести до читателя свои мысли, обожал стихи с чётко законченной строкой с жёстким посылом. Ему нравились нестандартные подходы к стихосложению, как альтернатива. Считал, что она может выражаться абсолютно по-разному: полное или частичное отсутствие рифм (или провальные рифмы), ломанный ритм, более жёсткая эмоциональная подача стиха, а не его рафинированные формы и так далее. Альтернатива для него являлась той, которая старается взорвать привычное мировоззрение читателя и погрузить его в новое, необычное созерцание происходящего.

«Я прекрасно понимаю, что очень безграмотный и не способный создать шедевр с чётко просчитанными формулами стихотворчества. Я вечный любитель, пишущий для любителей. Дальше мне дорога заказана».

«Да, я бы хотел бы быть другим. Обычным и счастливым, а не идиотом со своими мыслями...»

«Я очень закрытый человек, если можно помоги мне, иначе я ничего делать не буду. Мне всегда казалось, что мои стихи нужны только мне...»

«Вот я и пытаюсь пересмотреть свою жизнь, найти свои ошибки, проанализировать их и вернуться к... Но понимаю, что к обычной жизни у меня возврата нет... Без моей поэзии – я не существую. Не будет моих слов – не будет меня. Опять тюрьма, опять ты должен или тебя забудут...»

«Леньки, я не хочу смысловой смерти! Может быть там, на другом уровне мне положен рай?»

Вот такого мнения о себе был поэт Медведь-Шатун. Когда я читала такие высказывания-откровения, непроизвольно подкатывался ком к горлу, я чувствовала его страх перед смертью, его одиночество...

Об этом он и писал в своих стихах. В них прослеживается вся цепочка внутренних переживаний, борьба с самим собой, мысли о Боге, смерти и одиночестве... Один раз я спросила Сашу, почему он в стихах называет себя то мерзким червем, то гниющим созданием? Он ответил: «Потому что я вижу себя со стороны. Один святой (по-моему, Антоний Великий) сказал, что высшее достижение христианина не увидеть Бога и Ангелов, а постараться посмотреть на себя со стороны и не лишиться рассудка».

«Вот я и хотел показать кризис христианства. Отсутствие здорового мистицизма в церковных кругах. Христианская метафизика перестаёт интересовать людей, они отупели от системы потребительства. Лен, вспомни почему Булгаков написал „Мастер и Маргариту“. От того, что вера в божественное и дьявольское пришла к полному нулю. Только там был атеизм, а у нас эпоха потребительства, которая ещё более ужасней, чем „яркое, материалистическое отрицание Яхве и Люцифера“. Начинается эпоха латентных скотов с отсутствием тяги к духовному».

Или

«Сегодня пересмотрел клип „Алисы“ – „Дети последних дней“, и понял, что он пророческий. Интеллектуальная сфера искусства умерла. Начинается эпоха пред-эсхатологического модернизма, и это конец мира! Творческая субстанция человека умирает жестокой смертью. Останется лишь потребительское стадо, привитое вакциной лже-гуманизма...»

Во многих его творениях присутствует тема духовности, но чаще он писал о смерти. В личной переписке писал откровенно: «Вот ты знаешь, я раньше думал, что могу писать про смерть до глубокой старости и она меня помилует за это... А как эта морда передо мной явилась в качестве болезни, так моя ж@@а сразу сузилась до мышиноного глаза... Страх ужаснейший и ты понимаешь, что никто тебе не поможет, если костлявая начала свой отсчёт. Вот это и есть настоящий ужас – ужас в том, что дороги назад в жизнь нет. И вот здесь, из-под сознания, появляется забытый бог, который тебя обнимает и даёт надежду... Я перестал быть атеистом».

После таких слов, я понимала – он знает, что ему осталось недолго жить, а когда «ставила» себя на его место, мне становилось страшно и больно, всё тело сжималось в комок отчаяния, и начинала плакать. Он это чувствовал и писал: «Только не надо реветь, терпеть этого не могу!». Но передать то, что чувствовал он сам, невозможно... Незадолго до смерти он написал: «Я хочу верить в посмертную жизнь! Я хочу существовать и дальше в посмертной реальности!».

– Ох, Шатунчик, Медведя, Сашыч! Я уверена, что ты есть в посмертной реальности... И я плачу, да, пишу это и плачу, хоть ты терпеть этого не мог... Прости, дружище!

У Сашы получалась необыкновенная и любовная лирика. Он умел донести до читателя, что он чувствует к женщине, когда любил, и саму женщину, какой она ему кажется. Удивительная чёткая, и в то же время, тонкая грань прочитывалась в его строках о любви. Такие стихи хотелось перечитывать, уж слишком они были крылатыми, сумасшедшими, тёплыми, страстными и искренними. А сам автор, тот самый Медведь-Шатун, который рычал в других стихах, становился мягким, ранимым, игривым и очарованным медвежонком.

«Если честно, когда рядом с тобой любимая женщина – то научишься всему, что она скажет. Просто надо любить человека, а это самый большой стимул в жизни...»

«У нас в Самаре 27 градусов и вода в Волге 19, 7... Аномалия дикая, такое ощущение, что не сентябрь месяц, а начало августа. Точно у Господа Бога крышу снесло, такого у нас никогда не было...»

«То ли я завяз в своей болезни, то ли талант закончился (а был ли он – этот самый талант?) Ни одного образа за последнее время в голове...»

«Всё, что я хочу сейчас – это просто жить, просто жить в этом мире. Я сегодня шёл из магазина и увидел скворцов, огромную стаю скворцов над моим подъездом... Скоро весна... Давай о тебе поговорим...»

Многие, из последних его стихотворений, были уже пророческими. Не побоюсь сказать, что он буквально «катал смерть на языке», а она писала за него... Жаль только то, что он видел себя в другой реальности в тёмных красках. Я же думаю, и уверена, что в той жизни, всё намного светлее и его существование будет длиться очень долго...

«Александр не был простым человеком, как впрочем, и любой человек не прост в жизни и в творчестве. Его прямолинейность иногда была феноменальна, а неуживчивость в социуме, порой граничила с беспомощностью чудака, который никак не сообразит, почему окружающие не могут понять очевидных ему вещей. Мы не были приятелями и знакомыми. Мы дружили. Дружили честно и без обид. С ним было интересно спорить до пены и чуть ли не до ножей, а потом разговаривать о жизни, да и крепко „вздрызнуть“ было до чёртиков хорошо. Он был честным другом, и я до сих пор дорожусь этой дружбой. Я помню, когда Александр впервые пришёл на Зону Критики и выставил одно из своих стихотворений, был просто иквал критики, но Шатун держался стойко, вот тогда-то мне и понравился этот парень с обожжённой душой и со своей особой геометрией крыла. И я сделал начитку на его „Осенний променад“, чтобы исчезло недопонимание. У Сашики не было ни одного „проходного“ стихотворения. Бывает, пишешь о том, что хочешь сказать, а тема уходит, уходит, и в итоге, получается так себе, именно, проходное – 2—3 слова существенного смысла, а остальное вода. Шатун никогда не грешил этим, он добивался того, что хотел сказать – у него не было „проходных“. Его стихи не надо принимать как слова, выстроенные в вычурном порядке, их надо пропускать через себя. Все! Их надо впитывать кожей, обрезаясь об острые грани вложенного смысла, ими надо обжигаться и захлёбываться... Ими надо жить...»

©Андрей (Korn Korvin)

«Поэзия автора Медведь-Шатун всегда производила на меня двойственное впечатление: с одной стороны я восхищался его умением подобрать слова, образы, эмоциональный фон – точность и впечатление от которых могли соперничать с творениями мастеров прошлого века, с другой – уничтожительность и самокопание, сила самосожжения слегка пугала и удивляла – до каких глубин способен добраться человек в стремлении самопознания и очищения?»

Именно очищения, я понимаю многие стихи Александра как попытки раскрыться и избавиться от тёмных мыслей и эмоций, что время от времени посещают каждого. И мне кажется, что ему это удалось в конечном итоге, он смог понять и принять себя таким, какой он есть. Я же видел в нём верного товарища, честного друга, дьявольски талантливого поэта и мне нелегко принять, что не могу, как и раньше, побеседовать с ним на разные темы, получить заряд силы и уверенности. Хотелось бы, чтобы и другие, прочитав его стихи, увидели не просто человека, а Личность, пусть порой мятущуюся и неуверенную, но всегда готовую идти вперёд, несмотря ни на что...

Да он, вообще, всегда казался таким монолитом, замковым камнем, одним из тех, на которых строится каждая крепость и каждый дворец...»

©Владимир Ю. (Гардемарин)

«Саша, Сашика...

Он часто был разным, диаметрально разным – взрывным и меланхоличным, грубым и нежным, мог сгоряча оскорбить человека, а потом яростно корил себя за это и находил силы попросить прощения, искренне, от души. Не зря же он с молодости взял себе ник – Медведь-Шатун. И творчество Саши в полной мере отражает его характер – стихи наполнены метафорами, неординарными эпитетами, мистикой и всё это органично переплетено с обычным человеческим бытом. Его герои то ныряют в жуткую клоаку жизни, а иногда, и в сам ад, то взлетают к небу и ловят мечту о светлом, чистом месте, где нет ненависти, боли, страданий.

Таким он и останется в моей памяти – неприкаянный, мечущийся между добром и злом, между тьмой и светом. Верю, что теперь ему дарован покой».

©Наталья Р. (Та Шу Ко)

«Личность человека всегда сопоставима с его творчеством, с его лирическим героем в литературе, даже если личность задумывает для себя не быть похожим на своё произведение ни за что и никогда. Саша, „Медведь-Шатун“, обращает на своё творчество внимание – сразу. Будь то читатель, несведущий в поэзии, или же читатель-профессиональный поэт, на оригинальность мышления автора, его необычность, обращает свой взгляд любой самостоятельно думающий человек. Вы можете сто раз не соглашаться с тем, что „выдал“ на сей раз „Медведь-Шатун“, но только, если ваш мозг не примитивен, вы тут же начинаете соглашаться или нет с тем, что предлагает автор. Автор искренний, думающий о нашем мире, хлебнувший от него полной чашей горестей, обид и разочарований, но, как истинно русский человек-поэт, носящий в себе до конца жизни личину чистоты: правды, преданности своим идеалам, несмирение с пустотой, с ужасным „достоянием“ уже 21-го века. Если говорить правду (а в переписке с Сашей я ему всегда говорила только правду, на которую он не обижался), Саша многого не успел. Жаль, что не дожил... Не успел найти свой, но профессиональный ключ, работы над Словом. Не очень ясно и чётко выражал свои удивительные мысли, не успел отточить свои „поэтические пёрышки“. А, думаю, что отточил бы. А, может быть, и пусть останется таким, каким был... Теперь всё равно ничего не поправить. Я любила Сашину человечность, его неподдельную доброту и искренность. Была бы рада узнать, если у него остались на Земле дети. Чем утешить свою потерю, своё горе по Саше, „Медведю-Шатуну“? Я верю в бессмертие души. Верю, что если он даже не успел в чём-то покаяться перед Богом, будет обязательно прощён. Потому что многие его любили. Я не ошибаюсь в том, что это был порядочный, ищущий всю жизнь себя, настоящий Поэт. Пусть земля – пухом, а Небо – жизнью. Счастливо там тебе, на Небеси...»

©Людмила М. (член союза писателй)

«Медведь-Шатун принадлежал к единственному типу людей, пользующихся моим неизменным уважением. Он был Нефором. Именно так. С большой буквы. И вообще все слова, которые относятся к этому замечательному челу, я буду писать с большой буквы:

Шатун – Поэт.

Шатун – Друг.

Шатун – Настоящий Мужик.

Шатун – Человечище.

Редко бывает, когда высокий интеллект сочетается с прямотой и честностью, а умение отстаивать свое мнение – с великодушием и теплотой. Шатун был таким, каким предстает в своих стихах. Жесть и романтика, два-в-одном, непонятно откуда взявшаяся химическая формула драгоценного элемента, который никто больше не изобретет.

По одним стихам Шатуна можно читать рэп, а другие – положить на балладу. Одни вдохновляют на революцию, другие внезапно открывают глаза на мечту, которая стояла у порога. Настоящий поэт жизни, умеющий красиво сказать о вещах, которые из-под пера кого-нибудь другого вышли бы чернухой. Медведь-Шатун – силища и талантища. Как правильно он выбрал себе тотемного зверя!

Он не боится выйти один на один и с девяностыми ржавыми бесами. Я не знаю, где он сейчас. Но сердце мое спокойно: Шатун за себя постоит. И привнесет частичку душевности, красоты и силы в те миры, которые нам неведомы».

©Дэмиан Винс

«Стихи Саши для меня всегда были тяжёлыми как его любимая музыка, каждый новый стих – пятитонный грузовик, почти всегда печально-философские, грубого помета. Цветные и резкие. Доходчивые, похожие на злых цепных псов, которых хозяева держат в «чёрном теле».

Они, действительно, медвежьи какие-то. Слово автору не хватает кислорода, и он не может выговорить, выплюнуть всю свою боль.

Многослойность, тихая грусть. Шатун собирал из строк пазлы, постоянно искал своего Бога, своё место в этой жизни. Много размышлял о смерти. Перекраивал мир религии. Боролся со своим вторым я. Он частенько парил между чем-то потусторонним, метафизическим и реальным, в строках автора матрица чередовалась с космосом и потусторонними силами.

Вот это глубокое, почти летаргическое состояние мной особенно ценимо».

©Людмила К. (Тигрица)

«Нет, мы не были друзьями. Между нами не было каких-то особых, трепетных отношений. Вообще ничего не было... Кроме стихов. Стихи и остались. И надо их читать не в память о написавшем, не из чувства долга или приличия (меньше всего, полагаю, Шатуна беспокоили приличия), а потому что стихи он писал настоящие. Горькие, болючие, но настоящие».

©Маргарита

«Стихи Саши, Медведя-Шатуна, у меня практически всегда вызывали определенную долю изумления и волнения. Каждый стих его был на грани. Он как бы выворачивал всю боль находящуюся внутри и облекал ее в гротескную форму. Равнодушным оставаться трудно, когда видишь подобное самобичевание, и в ответ появляется реакция схожая с трепетом. Большинство стихов оставляло неизгладимый след после прочтения. Казалось, что читатель прикасается к чему-то, что было до этого момента неведомо, а если и ведомо, то страшно в этом признаваться или говорить вслух. Да, вслух Саша не боялся говорить то, о чем другие предпочли бы умолчать. И эта черта прямоты и отсутствия украшательства в какой-то степени подкупала, вызывая впечатление искренности. И так и было. Но, несмотря на все это, больше всего меня поразила его романтическая лирика. На фоне созданного грозного образа, стихи, где Саша предстает нежным, добрым, ранимым, просто не поддаются описанию. А ведь это самое главное в творчестве любого писателя или поэта – не оставлять читателя равнодушным».

©Роман (Пантерос)

Р.С. Благодарю Семёна, сына Александра, за то, что дал согласие на создание сборника, редакцию «Ридеро», которая не отказала в этом. Также, благодарю друзей и авторов, с которыми творим вместе много лет, за поддержку, тепло и отклики.

Саша, это книга для тебя, о тебе... Спасибо, что ты был, есть и будешь....

©С любовью, Елена З.



Медведь – Шатун

По буреломам, сквозь морозы, разбуженный крикливою тайгой,
Медведь – Шатун, тая в себе угрозы, брел медленно в надежде
на покой.

Вдыхал морозный воздух, раздувая ноздри, рычаньем живность
до испуга доводил,
ломался тонкий наст под тяжестью громоздкой, следил за лесом
косолапый старожил.

Он был рожден природою жестокой, она учила рвать его чужую
плоть, чтоб голод утолить
и в схватке беспощадной давить врага и непременно победить.
В нем жил великий дух – бесстрашный, первобытный. Кипела
кровь, когда охоту ощущал,
но каждый вечер, по тропе своей привычной, на гору торопливо
ковылял.

Там он смотрел на небо, звездное ночное небо и что-то
вырывалось изнутри,
душа теплела, злоба в сердце блекла перед величием небесной
красоты.

И так стоял – беспечный и довольный, подчас забыв, что утро
притекло,
а дальше просыпался зверь голодный, который требовал чужое
естество.

Сейчас он не на шутку был встревожен, услышав голоса людские
вдалеке.

За ним пришли, он чувствовал всё кожей и по привычке оголил
клыки.

Бежать? Но нет, едва ли хватит силы. Решил с достоинством
принять неравный бой.

Последние надежды все уплыли, когда охотника увидел пред
собой.

Пробила злая пуля тело зверя. Туман в глазах, летала смерть над
головой.

Он умирал, взирая в пустошь неба, из раны жизнь текла багровою
рекой.

Уже нет боли, звуки замолчали. Неведомая лёгкость и рядом
млечный путь.

На облаках его МЕДВЕДИЦА встречала, чтоб СЕРДЦЕ
ЗВЁЗДНОЕ вложить в большую грудь.

/20.01.2013/

Разные

Терпкие флюиды приворотной магии,
Кружевные хитрости, чёрные шелка,
Контурь богини, безупречность талии,
Губы возбуждённые ритмикой огня.
Прячешь под вуалью, резонанс эстетики,
Завлекаешь тайной, чтоб свести с ума.
Сумрачная лира – королева тактики,
Падает противник в негу до утра.
Колдовские бусы – талисман идиллии,
Страстью раскаляется жемчугов петля.
Бархатные ласки, новые прелюдии,
Для своих любовников открывает мгла.
Ты меня не знаешь – я в тугой спирали,
Отвергает нежности обитатель дна.
От моей фантазии ангелы сгорали,
Под моими строками лопалась земля.
У тебя другие страхи и амбиции,
Прячем мы по-разному от небес глаза.
Создавать ночами тёмные феерии,
Нас с тобой заставят падших голоса.
Трансовые токи сложная симфония,
Музыка еретиков хрупкая игра.
В каждой капле жизни прячется мелодия,
В каждой капле смерти вязнет тишина.

/05.12.2012/

Зимняя мистерия

Снежные львы притаились за тучами,
Гигантские кошки Белого Времени,
Заморозили кровь остывающей осени,
Спустившись на землю холодами трескучими.

Звёздные гривы взлохматила магия,
Глаза – серебро, дыхание ровное,
Падает город в состояние сонное,
Расползается инеем новая стадия.

Сзади плетется ледяная гиена,
Разрывает на части мёртвые листья,
Обрамляет деревья круговертью ненастья,
Пламенеет метелью межсезонная смена.

Вторжение славят вороны армады,
Их голоса теперь самые звонкие,
Обсуждать будут громко материи тонкие,
В цепенеющий воздух бросая тирады.

Река замедляет телодвижения
В пар превращая лишние градусы,
Потянутся вверх заостренные конусы,
Небеса раздирая до кровотечения.

Знает позёмка движенья змеиные,
Ватные хлопья закроют обочину,
Въезжает зима в прошлогоднюю вотчину,
Обнимая буранами шеи звериные.

/10.12.2012/

Любовники Анархии

Исчезли ритуалы алкогольной прыти,
А раньше кровь дурная пела до утра.
Проснувшись без гроша, мы поправляли крыши,
Заначкой хитрой со вчерашнего стола.

Проклёпанные души, жадные до правды,
Не сомневаясь, обнажали без стыда.
Шальные лирики, пивные космонавты,
Не приносящие ни пользы ни вреда.

На лбы лепили философские магниты,
Глубинной мерой измерялась высота.
Сомнительных теорий мраморные плиты
Ломала градусом хмельная простота.

Бонданы чёрные носили как пираты,
Качалось лето от не хитрого вина
И нарушала все казённые стандарты
Протестом бритая гитарная струна.

Нас ненавидели покрашенные куклы.
Бой – френды модные тарасили глаза,
А мы их громко посылали на три буквы
Перед гламуром отключая тормоза.

Своими песнями раскидывали сети.
Шептала ноты гладкошерстная трава.
ЛЮБОВНИКИ АНАРХИИ – СЕДЫЕ ДЕТИ
Полемику свободы пили из горла.

/15.12.2012/

Чужой

Под затяжные песни, с печатью на груди,
Уверенно шагая по колее прямой,
Спасаются от каторги Соратники Любви,
Герои – Нимбоманы окрепшие душой.

Мне захотелось тоже к прозрению идти,
Толпа спросила строго: – Ты парень кто такой?
– Я пасынок анархии и гражданин Земли,
Они пропели хором: – Нет! Уходи ЧУЖОЙ!

Потом другое шествие – мужчины впереди,
Зелёные знамёна несут перед собой,
Кричат о правоверности и святости войны,
Кривыми топорами трясут над головой.

Вот среди них я точно смогу друзей найти,
Но проверяют снова: – Ты парень кто такой?
– Я пасынок анархии и гражданин Земли!
Они мне прорычали: – Беги от нас ЧУЖОЙ!

Не повезло опять мне на жизненном пути
И вдруг услышал мантры – народ идёт другой,
Абстрактную гармонию желают обрести,
Безличностное царство и золотой покой.

Решаю к ним прибиться, чтоб лотосом цвести,
Опять вопрос знакомый: – Ты парень кто такой?
– Я пасынок анархии и гражданин Земли!
И слышу, как обычно: – Не трогай нас ЧУЖОЙ!

Стою забытой пешкой на фоне пустоты,
Вдруг небо вопрошает: – Ты парень кто такой?
– Я пасынок анархии и гражданин Земли!
Оно лишь удивленно склонилось надо мной...

/27.12.2012/

Ледяная бесконечность

Ледяными клыками обозначила себя бесконечность.
Самодостаточна, даже без тепловых колебаний.
Немые созвездия бесприданницу глядят пунктирами, а она
смертолюбием мажет следы их касаний.

В самом центре стихии открывается фундаментальность. Пауки-
снеголазы закрепляют её паутиной.
Восьмирукие зодчие-демиурги крамольные, мерзлотой
выпрямляют трансцендентные грации линий.

Здесь законы материи стынут в объятиях холода. Закутана
вьюгами информация сцепленных звеньев
Она в белой агонии бьется, крошится звуками хриплыми,
наполняет пустотами чрева смерзшихся комьев.

Прагматизм шатких догм наконец-то увидел свою бесполезность.
Никак не оправится от зрительных потрясений.
Замыслы эгоистов перестали быть свято-полезными. Порваны
ветром наряды длительных перерождений.

Ледяными клыками открыла себя бесконечность. Безразлична
к процессам падений и оправданий.
Она Мать Анаконды-Галактики с чёрными дырами. Зазеркальное
отражение замороженных знаний.

/12.01.2013/

Шут

Злобой разукрашенный, кровью перепачканный на руинах света
пляшет шут гороховый.

Небесами поротый, музыкой отравленный истекает хохотом гаер
бубенцовый.

Временем заброшенный, притчами истерзанный зашивает ветром
свой костюм изношенный.

Голодом изъеденный, до корней бракованный изучает колкости
важных откровений.

После боя выживший, аксиоме преданный наполняет ядом
теоремы сложные.

Звёздами отверженный, рунами исписанный возвратить надеется
облик жизни прежней.

Тьмою окольцованный, гордостью помеченный знает хрестоматию
вычурных желаний.

Реформатор сброшенный, пламенем пропитанный неизменный
выдумщик пагубных пристрастий.

Абсолютом проклятый, из когорты изгнанный отрицает Жертву
разум перевёрнутый.

Именами связанный, до конца не согнутый ждёт когда расколется
мир несовершенный.

Злобой размалеванный, желчью перепачканный на подмостках ада
пляшет шут гороховый.

Небесами скрученный, выжженный, затравленный к боли
не привыкнет гаер бубенцовый.

/17.01.2013/

Эпилепсия метафор

Смотря на эпилепсию гипербол и метафор,
На взрыв эмоций, перекрученный винтаж,
Я начинаю чувствовать внутри холодный мрамор
И рвотные позывы на артистическую фальшь.

Жонглируя как гирями, трёхмерными словами,
В кульки фасуют высокопарный стон.
Самовлюбленность в позе – перебирает гаммы,
Желаний вычурных под ледяным огнём.

За пафосом скрывается заброшенная свалка,
Сырой туман перекрывает кислород.
Храня свои традиции – затынется удавка,
На шее у того, кто сдвинется вперёд.

Конечно же милей трамваи, бабочки и девы,
Да принцы всех мастей на старых лошадях.
Потрёпанные Хроносом тщедушные напевы,
Патетикой закрывшись – снова на сносях.

/20.01.2013/

Спираль

Из тканей ночи сшил себе сутану, луну повесил медальоном
на груди.

И то ли с дурости, а может быть и спьяну решил сквозь время
незамеченным пройти.

И тёмной птицей обреченно следы по утру оставлял. Цвет белый
называл я чёрным, цвет чёрный болью осветлял.

Спираль одна! Хоть бойся, хоть не бойся – её витки холодная
тюрьма.

Расслабься сердце, разум успокойся – нас водит за руку пустая
кутерьма.

/20.01.2013/

Побег

Эфемерность знакомых концепций прячет слоёную истину.
Утвержденные миром стандарты заставляют быть толерантным.
Прибитая к полу обыденность стирает живые картины.
Я ломаю дебелые стены между чудом и серым обманом.

Однобокость сплюснутых мыслей мне закроет чугунные веки.
Наполняет дремотную полость гротесковых снов вереница.
Сползает с привычного места награждённая силой окружность.
Меняется масса и форма – я хочу в жёлтый дым превратиться.

Угощают липкие тени кисло-сладким сиропом экстаза.
Докучают фальшивой заботой эмиссары пористой ниши.
Обретенные навыки смерти мою тренируют решимость.
Я карабкаюсь по вертикали – в надежде забраться повыше.

P.S Посвящается Карлосу Кастанеде.

/26.01.2013/

Городские пророки

Истерики улиц, тротуарные склоки,
Нафталиновый воздух мышей-невидимок
Вдыхали с трудом городские пророки.
Пили копию правды из мутных бутылок.

Они видели страх коронованной твари.
Вскрывали ей брюхо проливной матершиной.
Стучали по чакрам душегубной морали,
Орудя ловко трёхпудовой дубиной.

Плевали в лицо гуттаперчевой феи,
Престарелой давалке-законопослушной.
Говорили, что родом из Гипербореи
И знают пути в мегаполис воздушный.

Не достучались проповедники в мясо.
Ускользнули слова от хрящей и волокон
И усевшись на спины крылатых пегасов,
Оставили город перекошенных окон.

А трюмы забили трудовые балласты.
Их давно прессовали и взяли измором.
Разделили ведомых на разные касты —
Наградили гробами, облили позором.

/29.01.2013/

Видение

Я на розу ветров обменял трёхэтажное облако. На пороге оставил свои загустевшие краски.

Потускнеют без радуги семицветные неженки – бесцветная масса лишённая блеска.

Бирюзовые своды подарил долгожителям неба. Через время прополз на спине каракурта-гиганта.

Сотрясалась в конвульсиях неизвестность-изнанка, чужаков запуская в преддверие первого пласта.

Здесь чернильное солнце обжигает уставшее тело. Вдыхаю с трудом обезвоженный воздух пустыни.

Расправляют зыбучие крылья песчаные бури, будоражат барханные волны раскалённые джинны.

Молчаливые сфинксы воскрешают древнюю магию. Из беззубых глубин достают первородные символы.

Льют рассветы багровые на бездыханные знаки. Выправляют сутулые спины опальные идолы.

Сыновья Люцифера сжимают в руках ятаганы. Грохот из недр, как отцовское благословение.

Закипают от ярости в предвкушении боя. Кремируют ужас перед началом сражения.

Скоро острые молнии разрежут черту горизонта. По частям расплзётся слоёное мироздание.

Я наблюдаю, как штурмуют солдаты преддверие. Как заработал ускоренно механизм отрицания.

/05.02.2013/

Картина распада

Костями продрогших деревьев ошетинилось скучное утро,
Заскулило от давящих спазмов, соседской возней заскрипело.
Разбрелись по углам-лабиринтам ночные горе-сказители.
Я опять поднимаю с дивана свой помятый шаблон чёрно-белый.

Сажусь в катафалк многоместный, набитый гробами-домами,
На крышках лежат мёртвым грузом ритуальные маски-гримасы.
Арлекины подземного цирка покойникам дарят билеты,
На последнее громкое шоу, где в зверей превратятся паяцы.

С фонарных столбов горбоносых свисают тепличные дети.
Они прятали плюшевых мишек за сценой театра-абсурда.
Не вписались клёклой наивностью в жесткие, взрослые игры.
И ушли с посиневшими шеями на другой конец перехода.

Торгуют собой на дорогах сухопутные Девы-Горгоны,
Истекают слюной ядовитой кудрявые волосы-змеи.
Играют чужими страстями, совершенствуя формулу смерти.
Почитателей хищных промежностей превращают в грязные камни.

Колокольная дрожь безразличия рисует схему распада.
Стреляют в тире без промаха кресты, полумесяцы, звёзды.
Блаженные больше не плачут, одевают парадные фраки,
Растворяются в собственном свете, оставляя сердца на погосте.

/16.02.2013/

Каждодневность

Я из крайности в крайность впадаю, выставляя себя
на посмешище,
То с зимою никак не расстанусь, то горячие угли глотаю,
То качаюсь по разные стороны, то боюсь потерять равновесие,
То терплю каждодневность постылую, то тротиловой шашкой
взрываюсь.

Прикрывают меня чудо-куполом двойники ртутных мыслей
бесполье.

Всё твердят, что мы внешне похожи, что родня они самая близкая.
Кроме них никого за спиною – выбор мизерный, верю им на слово,
Потому и без страха ныряю в ночь дремучую, сказочно-вязкую.

Бьют под рёбра алхимики-вестники, стоит дорого рабство-
бессмертие,

Говорят, надо ниже сгибаться и тогда будут шансы реальные.
Набухают небесным молчанием гематомы сутулого племени,
Кровь из носа на рубища льётся, выжигая узоры нетленные.

Кущи райские продали нищие, тяжелеют от пафосной святости.
Провонявшую жадностью паперть перекрыли руками холёными.
Перевернуты злобой породистой их отёкшие лица-чернильницы,
Вытекают из глаз сколопендры мягкотелье и губоногие.

По щекам хлещут темы фатальные стихотворно-туманного
поприща.

Не дают захлебнуться тоскою голубями убитые вороны.
Раздуваю сильнее пекло жуткое, выгрызаю зубами сомнения,
Вызываю на бой жизнь ползучую, упраздняя парад планетарный.

/20.02.2013/

В утробе февраля

Исписанные ленты на траурных букетах,
Беззубой пастью щерится голодная земля,
Выгравливает ветер последние надежды.
Мне пасмурно и жутко в лохмотьях февраля.
Глазастые каркуньи расселись на деревьях,
Овальным фотографиям старинные друзья.
Пернатые хронисты могильной колесницы,
Напишут свои книги в лохмотьях февраля.
Телесную обёртку проглотит страшный ящик,
Его опустят в яму два пьяных бугая.
Я брошу пару комьев согласно этикету,
Запутаются слёзы в лохмотьях февраля.
Последняя отметка – кладбищенская насыпь,
Нагая память съежится от холода скуля
И как-то дальше надо играть чужие роли,
Двуличие скрывая в лохмотьях февраля.
Не каждому удастся увидеть свою старость
На будничной арене, воскликнув: «Вуаля!»
Авантюрист Великий показывая трюки,
Изменит мои планы в утробе февраля.

/25.02.2013/

Наблюдатели Жизни

Без кривляний и жидких эмоций, без запаха, цвета и возраста,
Из прожилок вселенского разума высекая белесые искры,
Не касаясь рытвин материи нержавеющей поступью древности,
Помечают холодным вниманием каждый миг Наблюдатели
Жизни.

Исполнители колких приказов круговой порукой обвязаны,
В них текут глицериновой кровью поручения данные свыше.
Летописцы осколочной пыли выжимают агонию времени,
Драгоценные капли-алмазы собирая в зеркальные чаши.

Под рубцами казенных столетий леденеет броня безмятежности.
Не понятно им слово-предвзятость, только факты имеют значение.
Ищут лазы червивых стенаний в дрожжевом, человеческом тесте.
Препарируют опытным взглядом приземленно-людские желания.

Рождённые строгостью Слова в мир спустились давно
погребёнными,
Предстоящую боль одиночества серебром тишины заглушая.
Шпигуют листы гладколицы анонимками, словно приправами,
Выделяя подробности скобками, не тая ничего, не скрывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.